

10.00.00 Филологические науки

УДК 81: 821.111: 821.111(73)

Т.И. Леонтьева, О.В. Филиппова

Леонтьева Тамара Ивановна – профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения ВГУЭС, г. Владивосток. E-mail: tamara.leontieva@gmail.com

Филиппова Ольга Владимировна – ст. преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения ВГУЭС, г. Владивосток. E-mail: mimfil@mail.ru

**ЛОЖНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
И ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(на материале художественных произведений
английской и американской литературы XX века)**

В статье обсуждаются лингвистические и паралингвистические маркеры ложных высказываний. Ложное высказывание представлено как компонент системы отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации. Анализ ложных высказываний проводится по комплексной методике, позволяющей верифицировать ложь в высказываниях по определенным признакам. Материалом исследования послужили фрагменты диалогов из англоязычной художественной литературы.

Ключевые слова: ложное высказывание, прямой, косвенный и потенциальный отказ, проблемная информационная зона, импликатура, лингвистические и паралингвистические средства.

Tamara I. Leontieva, Olga V. Filippova

FALSE UTTERANCES IN LINGUISTIC AND PARALINGUISTIC ASPECTS

The article discusses linguistic and paralinguistic markers of false utterances in communication. A false statement is regarded as a component of the act of refusing the interlocutor the right to true and complete information. The study of false utterances is made by a network of methods including psychological, literary and linguistic analysis within dialogues taken from English and American literature of the XX century.

Key words: false utterance; direct, indirect, potential refusal; problematic information zone; implicature; linguistic and paralinguistic means.

Понятие «ложь» используется в науке, в педагогической и социальной практике, в криминалистике и в повседневной жизни. Философы обращаются к нему для того, чтобы определить другое понятие – «истина». Представляется важным отношение к лжи немецкого философа И. Канта, который полагал, что любое искажение истины «должно быть названо ложью (пусть даже не в юридическом смысле)». Он утверждал также, что ложь «всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще» [2, с. 257–258]. В отечественной психологии рассматриваются формы и признаки передачи неистинной информации: неправда, полуправда, ложь, обман, вранье и пр. [1; 4; 5; 6]. Вопросы психологии лжи активно изучаются американскими специалистами по этой проблеме П. Экманом [9] и С. Уолтерсом [8]. С. Уолтерс считает, что «введение в заблуждение или дезинформация собеседника – процесс сознательный» [8, с. 21]. П. Экман определяет ложь, или обман, как «действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления в своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды» [9, с. 22–23].

Феномен «ложное высказывание» связан с понятиями «ложь» и «обман», которые являются объектами пристального внимания отечественных и зарубежных ученых. В данной статье ложное высказывание представлено как компонент системы отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации/информации как таковой. Под ложным высказыванием понимается высказывание, в котором действительное положение вещей передается в искаженном виде [6, с. 35]. Однако это определение не отражает такой различительный признак лжи, как наличие у говорящего намерения ввести в заблуждение [9, с. 22]. Поэтому примем за основу другое определение ложного высказывания: это «высказывание, намеренно искаженно описывающее действительное положение вещей с целью ввести в заблуждение партнера по коммуникации» [7, с. 7].

Вслед за О.М. Попчук мы рассматриваем речевую коммуникацию как процесс взаимодействия равноправных партнеров, в котором «адресат имеет

право на получение полноценной информации в акте коммуникации, а адресант (источник информации) обладает правом не признавать этого права адресата» [7, с. 9].

Ложное высказывание – это не только лингвистическое, но и психологическое и, как следствие, паралингвистическое явление. Исследованию собственно паралингвистических явлений, а также явлений невербальной семиотики посвятили свои работы Г.В. Колшанский, Г.Е. Крейдлин, П. Экман и др. Согласно Г.Е. Крейдлину, эмоциональное состояние коммуниканта находит свое последовательное отражение в характеристике речи. Параязыковые просодические элементы, участвующие в процессе коммуникации и способствующие организации и передаче смысловой информации, являются одной из составляющих центра паралингвистики как раздела невербальной семиотики. В рамках классификации Г.Е. Крейдлина эмотивную функцию выполняют параметры звучания и некоторые различители. Целям нашего исследования отвечают параметры звучания и голосовые средства, соотносимые с обманом, манипуляцией, такие как интенсивность звука, длительность пауз, темп речи, ритм, высота тона, истерический плач, рыдания, смех [5].

Говоря неправду, собеседник отказывает партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации или информации как таковой. Возникает вопрос о том, какими средствами пользуются участники коммуникации, продуцируя ложные высказывания, и каковы лингвистические и паралингвистические средства их выражения.

Цель данной статьи – представить некоторые результаты поиска средств отказа партнеру по коммуникации в праве на получение достоверной информации или информации как таковой в художественном тексте (на материале произведений английской и американской литературы XX в.). Основой исследования послужила классификация средств отказа в праве на получение полноценной информации/информации как таковой в акте коммуникации, разработанная О.М. Попчук. Предложенная классификация рассматривает лингвистические и паралингвистические средства реализации ложных высказываний, яв-

ляющихся средствами прямого, косвенного и потенциального отказа в акте коммуникации на материале русских художественных произведений.

Языковым материалом исследования послужили тексты художественных произведений таких англоязычных авторов XX в., как С. Моэм, Дж.Б. Пристли, Т. Драйзер и И. Шоу. Для анализа отобраны диалоги, так как в них **проявляются** правила организации речевого взаимодействия **и отражается модель поведения, принятая в обществе. Согласно Г.В. Колшанскому, любой диалог всегда «привязан» к конкретным лицам, к контексту. Все эти условия преобразуют общую схему коммуникации в речевой акт с участием собственно языковых факторов, например, предложение с его структурой во взаимодействии с такими факторами, как психическое состояние говорящего, его манера жестикуляции, присутствие посторонних лиц [3].** Мы рассматриваем диалоги в письменной форме, поскольку прагматический контекст позволяет безошибочно вычленять ложное высказывание из общего потока информации, а в художественном произведении зачастую создается модель реальной речевой ситуации. Поиск фрагментов текстов проводился методом сплошной выборки (около 150 п.л. анализируемых текстов и 80 фрагментов текстов-диалогов, 10 из которых включены в данную статью).

Анализ фактического материала проводился с применением комплексной методики исследования, сочетающей анализ лингвистических (вербальных, словесных) и паралингвистических (невербальных) средств выражения ложных высказываний, литературоведческого и стилистического изучения художественного текста.

К лингвистическим признакам ложного высказывания относятся такие эксплицитные средства, как клишированные ответы, экспрессивная лексика, синтаксические компрессии, пропуски логически необходимых элементов, излишние повторы, многословие и др. Например:

“Did you have a good time at the movies?” Tony asked his mother. “What was playing?”

“**I...I did not go,**” Lucy said. “**I found out that they only showed them on week-ends.**”

[14, с. 94].

Данный фрагмент диалога является примером вербального отказа партнеру по коммуникации в сообщении ему правдивой информации. Оба коммуниканта скрывают правду, сын знает, что мать лжет, так как видел, что она занималась любовью с молодым человеком. На свои вопросы “Did you have a good time at the movies?”, “What was playing?” сын получает сначала уклончивый ответ: “I...I did not go”, а затем ложный: “I found out that they only showed them on week-ends.” Вербальные признаки здесь: уклончивый ответ в первой фразе героини и многословие во второй (выделено полужирным шрифтом).

Паралингвистические средства представляют собой знаки, которые несут в себе определенное смысловое содержание. В некоторых случаях невербальные средства выступают синонимами вербальных единиц и способны заменять их в процессе коммуникации. При отказе партнеру по коммуникации в получении полноценной информации/информации как таковой адресант широко использует приемы невербального воздействия, которые подразделяются на экстралингвистические и паралингвистические. К экстралингвистическим относятся паузы, повышение/понижение тона, громкая и быстрая речь, медленная и тихая речь. Паралингвистические включают в себя эмблемы, т.е. изменение мимики, жестов; иллюстрации – движения тела или его частей. И те, и другие свидетельствуют об эмоциональном переживании происходящего [9, с. 236–237]. Так, в следующем фрагменте разговора авторские ремарки передают понижение тона, неуверенность героини, ее страх перед будущим:

“Oh.” **Lucy’s voice was small, domestic, apologetic.** “Have I spent too much money? Did I overdraw at the bank again?” [14, с. 103].

Единство и взаимодействие лингвистических и паралингвистических средств является основой функционирования ложных высказываний.

Ложные высказывания могут принимать форму прямого отказа партнеру по коммуникации в праве на получение информации, что проявляется в категорическом нежелании начинать или продолжать разговор. Косвенный отказ характеризуется либо молчанием, либо иным игнорированием вопроса. Что касается потенциального отказа, то он связан с переключением внимания партнера по коммуникации с проблемной информационной зоны [7, с. 15].

Теперь обратимся к анализу ложных высказываний трех типов в лингвистическом и паралингвистическом аспекте.

1. Прямой отказ – это такой отказ, в котором заявляется о невозможности выдачи запрашиваемой информации. При этом причины отказа могут объясняться или не объясняться адресату. Говорящий либо отказывается продолжить коммуникацию, либо начинает разговор о чем-то другом. С лингвистической точки зрения, такой отказ в англоязычной литературе, как правило, осуществляется с помощью модальных отрицательных конструкций типа: *I'd rather not to*; *I'd sooner not*; *Let's not speak about it*; *Don't let's touch it*; *Forget it* и др. Рассмотрим фрагмент диалога отца и сына Хантеров из рассказа С. Моэма “*The Fall of Edward Barnard*” («Падение Эдварда Барнарда»). Сын должен был привезти с острова Таити своего друга Эдварда в Чикаго, где его ждала невеста. Тема эта очень непростая, и отец долго не решается спросить об Эдварде, но все-таки произносит:

“You haven't brought Edward Barnard back with you.”

“No.”

Bateman was silent for a moment, and his handsome sensitive face darkened.

“**I'd sooner not speak about him, dad,**” he said *at last*.

“That's all right, my son. I guess your mother will be a happy woman today [12, с. 168].

В разговоре между отцом (адресант) и сыном (адресат) полужирным шрифтом выделен прямой отказ адресата говорить на предложенную тему, курсивом отмечены невербальные средства планируемого отказа. Предыдущий контекст как бы готовит читателя к тому, что ответ будет неожиданным и, скорее всего, отрицательным. Следует отметить изысканную вежливость англичан, обсуждающих серьезные проблемы подобным образом: форма выражения прямого отказа (полужирный шрифт) отличается вежливостью и деликатностью, что грамматически выражается с помощью модального выражения “*I'd sooner not + V*”, значение которого не столь резко и категорично, как, например, русское «Давай не будем об этом говорить». Сама ситуация (контекст) подсказывает способ выражения: в этой семье отлично понимают друг друга с полуслова. Доказательством этого факта является последняя реплика отца в цитируемом

отрывке, в которой он **прощает** сына за отказ в получении от него полноценной информации и осознает собственную бестактность.

Невербальные средства, используемые автором (выделены курсивом), свидетельствуют о том, что тема, затронутая отцом в разговоре, очень нелегка для адресата, его сострадание «погибающему», по его понятиям, другу выражено с помощью описания его изменившегося настроения (*Бэйтмен помедлил, его красивое, тонкое лицо омрачилось*), это невербальные средства эмблематического характера (изменяется выражение лица). Кроме того, выражение “*at last*” (*наконец*) передает волнение сына перед возможностью вопроса о его друге и, конечно же, нежелание отвечать на вопрос и «оттягивание» этого ответа.

Рассмотрим пример прямого отказа из романа И. Шоу “*Lucy Crown*” («Люси Краун»).

Oliver put his glass down and spoke very gently. “What did you say, Tony?”

“I don’t want to stay here with mother and Jeff”.

“Why?”

“I can’t tell you.”

Oliver glanced sharply at the boy. He was *sitting with his head bent, staring at his shoes, his hands plunged in his pockets, looking resentful and embarrassed* [14, с. 85].

В этом акте коммуникации через лингвистические средства продемонстрирован прямой отказ партнера по коммуникации в передаче правдивой информации (“I can’t tell you”).

Авторский комментарий (выделен курсивом) передает отчаяние, решимость и стыд ребенка, чувствующего ужас от того, что случилось (адюльтер матери), и беспомощность от того, что нельзя, невозможно об этом рассказать. Паралингвистические элементы (иллюстрации) свидетельствуют о его психофизическом состоянии: опущенная голова, руки в карманах; взгляд, устремленный в землю, полный обиды, замешательства и смущения.

2. Косвенный отказ партнеру по коммуникации в получении полноценной информации может осуществляться с помощью встречного вопроса, псевдонепонимания того, о ком/чем идет речь и т.д. Необходимо добавить, что способом

выражения лжи являются также полуправда или двусмысленность [1, с. 252], которые также реализуются в определенном контексте.

Приведем пример из романа Теодора Драйзера «Американская трагедия». В этом романе речь идет о трагической судьбе семьи Гриффитсов. В приведенном эпизоде автор пишет о том, что миссис Гриффитс нужна довольно большая сумма (пятьдесят долларов). Ее незамужняя дочь Эста должна скоро родить, и деньги потребуются на доктора и сиделку. Мать обратилась за помощью к старшему сыну Клайду, который работал в престижном отеле и неплохо зарабатывал. Миссис Гриффитс решила откровенно поговорить с ним о критическом положении семьи, его сестры. А потом требовательно попросила деньги. Клайду нелегко было солгать матери, его мучила мысль о лежащих в кармане пятидесяти долларах. Ему очень хочется помочь матери и сестре, но еще больше он хочет завоевать девушку по имени Гортензия, которой Клайд пообещал купить меховой жакет.

“I must get money somewhere – at least fifty dollars. **You couldn’t get me that much in some way**, from some of your young men friends, **could you, just a loan for a few weeks?** You could pay it back, you know, soon, if you would. You wouldn’t need to pay me anything for your room until you had.”

She looked at Clyde so *tensely*, so *urgently*, that he felt *quite shaken* by the force of the cogency of the request...

“**Gee, Ma,**” he exclaimed, the thought of the fifty dollars in his pocket and its intended destination troubling him considerably – the very sum his mother was seeking. “**I don’t know whether I can do that or not. I don’t know any of the boys down there well enough for that. And they don’t make any more than I do, either. I might borrow a little something, but it won’t look very good.**”

He choked and swallowed a little, for lying to his mother in this way was not easy... *For here was fifty dollars in his pocket at the moment, with Hortense on the one hand and his mother and sister on the other*, and the money would solve his mother’s problem as fully as it would Hortense’s, and more respectably. How terrible it was not to help her. How could he refuse her, really? *Nervously he licked his lips and passed a hand over his brow, for a nervous moisture had broken out upon his face.* He felt *strained and mean and incompetent under the circumstances* [10].

Свою просьбу мать выражает в вежливой форме, используя модальный глагол **could**, его вопросительную и отрицательную формы: **could you, you couldn't**, что свидетельствует о ее чувстве вины за то, что она долго скрывала правду о его сестре. Однако авторские ремарки контрастируют с тоном ее просьбы. Клайд поражен ее требовательным и неотступным взглядом. Эти паралингвистические средства свидетельствуют о безвыходности ее положения. Волнение матери передается Клайду, который испытывает внутреннюю борьбу, решая, как поступить. В результате он отказывает матери.

Лингвистически отказ выражается отрицательной конструкцией: **I don't know whether I can do that or not**, которая постоянно повторяется в его речи. Он начинает говорить о невозможности занять деньги у кого-либо из друзей, придумывая на ходу разные причины. Импликатура (скрытый смысл) его многословной речи: желание сохранить деньги для подарка девушке. Клайд чувствует себя низким, беспомощным перед тем, что произошло: *strained and mean and incompetent under the circumstances*. Налицо конфликт между лингвистическим и паралингвистическим контекстами. Такие маркеры лжи, как “*He choked and swallowed a little*”; “*he licked his lips and passed a hand over his brow*”; “*a nervous moisture had broken out upon his face*”, показывают волнение лгущего. Стилистически отказ Клайда передается его многословием.

Позже в разговоре мать напрямую спрашивает о деньгах, неотступно просит, почти умоляет сына дать ей хоть небольшую сумму немедленно.

“**And you haven't any money of your own right now that you could let me have, have you?**” his mother half pleaded.

“**No, I haven't, Ma,**” he said, *looking at his mother shamefacedly, for a moment, then away*, and if it had not been that she herself was so distraught, she might have seen the falsehood on his face. As it was, he *suffered a pang of commingled self-commiseration* and self-contempt, based on the distress he felt for his mother [10].

Клайд отказывает матери, при этом сгорает от стыда, ощущает острую боль, презирает себя. Авторские ремарки свидетельствуют о психофизиологическом состоянии героя, о начале его морального падения.

К средствам косвенного отказа относятся также такие маркеры ложных высказываний, как риторические вопросы, игнорирование реплик адресанта, молчание, недосказ и т.п.

Следующий пример взят из романа С. Моэма “Theatre” («Театр»). Том был приглашен провести несколько дней в загородном доме Джулии и Майкла. Том очень подружился с Роджером, их сыном. Молодые люди проводили много времени вместе, что раздражает Джулию, которая надеялась, что здесь она сможет быть с Томом наедине. И даже в последний вечер Том стремится уехать с друзьями поужинать и потанцевать.

“I say, mum, there's a whole crowd going on to Maidenhead to dine and dance, and they want Tom and me to go too. **You don't mind, do you?**”

The blood rushed to her cheeks. She could not help answering rather sharply.

“**How are you to get back?**”

“Oh, that'll be all right. We'll get someone to drop us.”

She looked at him *helplessly*. She could not think what to say.

“It's going to be a tremendous lark. Tom's crazy to go.”

Her heart sank. It was with the greatest difficulty that she managed not to make a scene. But she controlled herself.

“**All right, darling.** But don't be too late. Remember that Tom's got to rise with the lark.”

Tom had come up and heard the last words.

“**You're sure you don't mind?**” he asked.

“**Of course not.** I hope you'll have a grand time.”

She smiled brightly at him, but **her eyes were steely with hatred.**

“I'm just as glad those two kids have gone off,” said Michael when they got into the launch. “We haven't had an evening to ourselves for ever so long.”

She clenched her hands in order to prevent herself from telling him to hold his silly tongue. *She was in a black rage* [11, с. 151–152].

Данная коммуникативная ситуация представляет собой уникальное явление, поскольку в ней одному из коммуникантов приходится все время скрывать правду, и для полной достоверности происходящего автор снабжает эту сцену большим количеством ремарок, поясняющих психофизиологическое состояние героини. В разговоре с сыном Джулии приходится скрывать свои чувства, и все ее реплики являются ложными высказываниями, она отчаянно пытается удер-

жать юношей дома, но не может придумать, как это сделать. Авторские ремарки (выделены курсивом) помогают постичь провал Джулии в этой языковой игре. На невинный вопрос сына “You don’t mind, do you?” она не находит ответа сразу, и мы видим, как кровь приливает к ее щекам, и она довольно резко выдвигает встречный вопрос о том, сумеют ли они добраться домой в поздний час. Встречный вопрос характеризует косвенный отказ партнеру в праве на получение истинной информации. Подкрепленный паралингвистическим представлением смятения Джулии, этот фрагмент диалога являет собой характерный штрих косвенного отказа. На заверение сына в том, что все будет в порядке, Джулия вновь не знает, что сказать. Авторский комментарий раскрывает ее беспомощность: “She looked at him **helplessly**. She **could not** think what to say.” Здесь С. Моэм прибегает к отрицательному суффиксу –less и отрицательной структуре предложения для того, чтобы убедить читателя в том, что она бессильна что-либо сделать. Кульминационный момент ее отчаяния наступает, когда сын, не подозревающий ничего предосудительного в поведении матери, для большей убедительности говорит, что прежде всего настаивает на этой поездке Том. Авторская ремарка “Her heart sank” красноречивее всяких слов говорит о ее полном фиаско. Преодолевая боль и стыд, она все же выдавливает из себя лживый ответ “All right, darling. But don’t be late.” Этот ответ построен на противопоставлении сказанного буквальному значению, поскольку его импликатура заключается в обратном: «Боже, как же я не хочу отпускать вас!» Последнюю реплику Джулии услышал Том, который как раз подошел, и мы опять станем свидетелями языковой игры, теперь уже ведущейся со стороны Тома. Он прекрасно сознает, чего хочет Джулия, однако задает якобы невинный вопрос, на самом деле испытывая «восторг надувательства» [9, с. 64]: “You’re sure, you don’t mind?” he asked. Полагаем, что это мотивированное ложное высказывание, т.к. за ним стоит желание Тома помучить свою жертву. Джулия находит в себе силы ответить почти весело: “Of course not. I hope you’ll have a grand time”, но авторский комментарий свидетельствует о противоположном: хоть она и улыбалась, но глаза ее при этом были полны ненависти. Совсем некстати появляется

супруг, далекий от каких-либо подозрений своей жены в адюльтере, и произносит слова, которые, как иглы, вонзаются в тело бедной Джулии. Отрывок завершается великолепным психологическим комментарием реакции Джулии на очередную глупость (в ее понимании) Майкла: она заламывает руки, мысленно называет его дураком (*silly tongue*) и пребывает в «черной ярости».

Итак, цель косвенных ложных высказываний со стороны Джулии – сохранить лицо, способом его реализации является блокирование выдачи правдивой информации, сокрытие правды. Вербальные и невербальные характеристики находятся в противоречии друг с другом, т.е. налицо языковая игра.

3. Потенциальный отказ в праве на получение информации заключается в том, чтобы «не подпустить» партнера по коммуникации к проблемной информационной зоне или переключить внимание партнера с проблемной информационной зоны. Под проблемной информационной зоной коммуниканта понимается информация, которой владеет данный коммуникант, связанная для него с чувством стыда, вины, а также с вероятностью понести наказание в случае ее сообщения партнеру по коммуникации. «Проблемность» в данном случае является относительным понятием, поскольку проблемная информационная зона коммуниканта может быть ориентирована на конкретного партнера по коммуникации и изменяться со сменой адресата [7, с. 14].

Проведенное нами исследование приемов речевого воздействия показало, что основным способом потенциального отказа является переключение реального или потенциального внимания собеседника с проблемной информационной зоны.

Обратимся к пьесе Дж.Б. Пристли “*Dangerous Corner*” («Опасный поворот»). В уважаемой семье Роберта и Фриды после радиопередачи по Би-Би-Си «Не будите спящую собаку» гости и хозяева решают обсудить тему правды и полуправды. Провоцирует разговор друг семьи писательница Miss M., которая поняла, что в семье есть тайна, которую ей хочется выведать. Муж (Роберт) готов к этому обсуждению, но его жена (Фрида) избегает говорить о том, что, по всей вероятности, составляет ее тайну.

Miss M. [*who obviously likes a discussion*]: I'm not convinced, Miss Peel. I'm ready to welcome what you call half the truth – the facts.

ROBERT: So am I. I'm all for it.

FREDA [*enigmatically*]: You would be, Robert.

ROBERT: What do you mean by that, Freda?

FREDA [*nonchalantly*]: **Anything, nothing. Let's talk about something more amusing. Who wants a drink? Drinks, Robert. And cigarettes** [13, с. 23].

Обратим внимание на то, что Фрида явно уклоняется от прямого ответа, но при этом она загадочна и притворно беззаботна. На прямой вопрос мужа о том, что она имеет в виду, Фрида отвечает загадкой, импликацию которой можно воспринять «Как хотите, так и понимайте». Здесь налицо не только неискренность, но и явное сокрытие правды. Достигается это с помощью туманной антонимической фразы “anything, nothing” и сменой темы разговора. Отказ Фриды предоставить полноценную информацию (или хотя бы какую-нибудь информацию, полуправду например) Роберту реализуется путем переключения его внимания с проблемной информационной зоны на глупый, никчемный разговор. Таким образом, собеседница уклоняется от необходимости говорить правду. Уклончивые ответы Фриды сопровождаются невербальными элементами паралингвистического характера. Это авторские реплики “enigmatically” (загадочно) и “nonchalantly” (беззаботно, беспечно, легко), которые помогают читателю понять, насколько еще далека трагедия (самоубийство Роберта) и как уверенно чувствует себя пока Фрида. Она явно отвлекает внимание мужа на пустяки, автор прибегает в данном случае к такому явлению стилистического синтаксиса, как эллиптические предложения: “Drinks, Robert. And cigarettes.” Они создают особый ритм, впечатление игры и веселья, т.е. всего того, что необходимо Фриде для оправдания своей неискренности. Прямолинейная, серьезная реплика-просьба Роберта “I'm all for it” контрастирует с притворно легкомысленным ответом Фриды. Роберт не получил нужную ему информацию и, как следует из дальнейшего течения событий, немного сбит с толку.

Если в приведенном выше примере героиня переключает внимание адресата с проблемной информационной зоны с помощью императива: “Let's talk

about something more amusing” («Давайте поговорим о чем-нибудь более веселом»), то в следующем фрагменте этот прием звучит более решительно. В данном отрывке подруга жены Олвен, которая знает правду, но не желает рассказать о ней, не только переключает внимание Роберта с проблемной информационной зоны, но и блокирует последующую информацию.

ROBERT: Olwen, I’m going to be rather rude, but I know you won’t mind. You know you suddenly stopped telling the truth then, didn’t you? You’re absolutely positive that this is the box Martin showed you, just as Freda is equally positive it isn’t.

OLWEN: Well, does that matter? [13, с. 27].

Олвен отказывает Роберту в праве на получение достоверной информации с помощью отвлекающего маневра. Фактически, она отвечает вопросом на вопрос, чем провоцирует отказ от дачи правдивых сведений (выделен полужирным шрифтом). К такому приему языковой игры люди прибегают тогда, когда хотят намеренно скрыть реальную ситуацию либо для того, чтобы не обидеть собеседника, либо для того, чтобы спасти себя от разоблачения. В данном случае задача Олвен уйти от ответственности, притвориться ничего не знающим человеком, для которого выпрашиваемые детали якобы не имеют значения. Экстралингвистическим невербальным элементом в данном коммуникативном акте является повышение тона, которое естественно для вопросительного предложения, тем более что в него вложен и сильный эмоциональный заряд, имплицатура: «А не пора ли прекратить весь этот разговор?»

В завершение обсуждения потенциального отказа приведем фрагмент из романа «Американская трагедия». Сестра Клайда Гриффитса Эста убежала из дома с молодым актёром. Это было трагедией для всей семьи. С ее исчезновением в доме установилась угнетающая обстановка. Ее имя даже не произносили в доме. Никто из детей не знал, где она, хотя Клайд подозревал, что мать переписывается с дочерью. Через месяц Клайд случайно увидел Эсту на улице. Обрадованный, он пошел за ней и узнал, где она живет. Однако на вопрос, когда же она вернулась и почему ничего не давала о себе знать, Эста не дает прямого ответа, пытаясь уйти от нежелательной для нее темы.

“But when did you get back?” he went on. “It’s a wonder you wouldn’t let the rest of us know something about you. Gee, you’re a dandy, you are – going away and staying months and

never letting any one of us know anything. You might have written me a little something, anyhow. We always got along pretty well, didn't we?"

His glance was quizzical, curious, imperative. She, for her part, *felt recessive* and *thence evasive* – *uncertain what to think or say or tell*.

She uttered: **"I couldn't think who it might be. No one comes here. But, my, how nice you look, Clyde. You've got such nice clothes, now. And you're getting taller. Mamma was telling me you are working at the Green-Davidson"** [10].

Адресант (Эста) отказывает в праве на получение достоверной информации адресату (Клайду), восхищаясь его внешностью, одеждой, удивляясь, как он вырос и, радуясь, какую хорошую работу ему удалось получить. Этот нескончаемый поток восклицаний звучит радостно, хотя, пользуясь паралингвистическими маркерами лжи, мы можем распознать волнение Эсты: *uncertain what to think or say or tell*. Импликатуру ее тирады можно вывести из авторского описания ее психофизического состояния: «Ты же видишь, как я несчастна, давай не будем говорить обо мне».

Автор поддерживает эти импликатуры такими вербальными средствами, как короткие малозначащие реплики о его прекрасной внешности, модной одежде, о его карьерном росте. Автор вкладывает в ее уста фразы, которые должны отвлечь Клайда от реальности ее жизни. Потенциальный отказ оказывается явно выраженным благодаря комплексу экспрессивных лингвистических средств и паралингвистических описаний.

Анализ ложных высказываний в лингвистическом и паралингвистическом аспекте показал, что каждому виду отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации/информации как таковой присущи специфические особенности.

Прямой отказ лингвистически выражается отрицательными модальными структурами, императивными формами глаголов, отрицательными структурами и такими паралингвистическими средствами, как молчание, повышение или понижение тона голоса, изменение мимики и жестов и стремление избежать визуального контакта.

Косвенный отказ характеризуется использованием встречных вопросов, многословием, разделительных вопросов, повторами. К невербальным средствам косвенного отказа относятся такие эмоциональные реакции, как волнение, раздражение, стыд, испуг, состояние агрессии и быстрый темп речи.

Потенциальный отказ отличается преобладанием речевых структур, переключающих внимание собеседника с проблемной информационной зоны: императив, антонимические фразы, короткие малоинформативные реплики. Невербальными спутниками потенциального отказа являются наличие имплицатур, психофизические реакции, такие как покраснение, чувство стыда и чувство вины.

Проблема реализации различных видов ложных высказываний в лингвистическом и паралингвистическом аспекте является до сих пор малоизученной и представляет интерес для дальнейших исследований в области стилистики, литературоведения, теории аргументации и лингвистической экспертологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Знаков В.В. Послесловие. Западные и русские традиции в понимании лжи: размышления российского психолога над исследованиями Пола Экмана // Экман П. Психология лжи. СПб. : Питер, 2009. С. 243–266.

2. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма : собр. соч. В 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8. С. 256–262.

3. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М. : КомКнига, 2010. 96 с.

4. Коноваленко М.Ю. Ложь в общении. Как защитить себя от обмана. М. : ТЦ Сфера, 2001. 96 с.

5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной : автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2000. 40 с.

6. Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М. : Наука, 1977. 62 с.

7. Попчук О.М. Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 27 с.

8. Уолтерс С.Б. Правда про ложь. М. : Эксмо, 2010. 272 с.

9. Экман П. Психология лжи. СПб. : Питер, 2009. 270 с.

10. Dreiser Th. An American Tragedy [Электронный ресурс]. URL : <http://ebooks.adelaide.edu/d/dreiser/theodore/american/> (дата обращения: 07.12.10).
11. Maugham W.S. Theatre. М. : Менеджер, 2004. 304 с.
12. Maugham W.S. Rain and Other Short Stories. М. : Progress Publishers, 1977. 407 с.
13. Priestley J.B. Dangerous Corner and other plays. М. : Vysšaja škola, 1989. P. 9–63.
14. Shaw I. Lucy Crown. Falmouth, Cornwall : New English Library. Hodder and Stoughton, 1989. 253 p.

Исследование проведено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., мероприятие № 1.2.2 «Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук».